

Моск. новости. - 1995. - № 3, 22-29 окт. - с. 5.

Два сыночка и мы рядом с ними

Необычной выдалась минувшая неделя: будто специально кто-то свыше соединил в пространстве трех дней судьбы двух кинематографистов. В четверг мы горевали, прощаясь с режиссером документального кино Алексеем Габриловичем. В субботу радовались, празднуя юбилей режиссера кино игрового Никиты Михалкова.

Их связывала не только профессия. Общими были и стартовые условия прихода в искусство. У обоих были знаменитые отцы: замечательный сценарист, первый настоящий кинематографический писатель Евгений Габрилович и превосходный детский поэт, создатель «Дяди Степы» Сергей Михалков.

Отцы никогда не хлопотали за своих чад: даже недоброжелатель не сказал бы о них такого. Сыновья были настолько очевидно талантливы, что в ходатайствах не нуждались. В какой-то момент отпрыски достигли славы отцов, а потом даже, пожалуй, превзошли ее. Впрочем, так ведь и должно быть: новые поколения входят в жизнь на плечах предыдущих.

Я, поверьте, не хотел бы сравнивать – и тем более сталкивать лбами – двух очень разных кинохудожников. Сопоставление родилось само собой: в субботу телевидение показало ленту Михалкова, где он впервые выступил в документальном жанре. В фильме «Анна от 6 до 18» он играл на поле Габриловича. Мало того, даже самый принцип развертывания материала был будто заимствован из работ последнего. Получилось, по-моему, несколько натушно: очень уж шестилетняя девчушка с ее ненавистью к крокодилам и борщу плохо соприкасалась с тем, что делалось вокруг. Михалков слишком доверился фильмотеке, взял из нее проходной, лакированный материал хроники, а если где и добавил к ней своего чувства, то оно оказалось на уровне шпильки, вставленных коллегам по искусству. То мы видим Кирилла Лаврова, с пафосом произносящего слова вождя революции в каком-то спектакле, то чем-то подобным занят Михаил Ульянов, то Борис Покровский всерьез

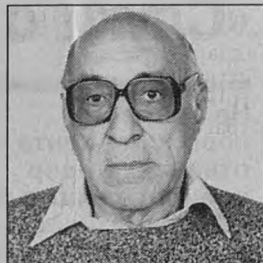
объясняет артистам оперы и балета величие очередного генсека.

Все это было, скажете вы. Действительно, было. И если уж выставлять счет художественной интеллигенции за лизоблюдство перед властями, то следовало бы не пропускать и Михалкова-старшего. Для справедливости. Да и для того, чтобы назойливые рассуждения сыночка о дворянской чести и гордости звучали потише. А то, что поколение сыночков по своему возрасту могло себе позволить – при некотором старании, конечно, – избежать обязательных для отцов унижений, так это вовсе не результат какого-то особого героизма.

Габрилович родился в конце 1936-го, поэтому оказался в той демографической «яме», которая пролегла между двумя поколениями. Тем, что вынесло на себе всю тяжесть войны и вернулось победителем, а потом, спустя десятилетия, взяло от себя тяжесть десталинизации. И другим, которому еще в молодом возрасте, когда вся жизнь впереди, удалось застать перестройку и крах коммунизма.

Я замечал, что Габрилович в последние годы болезненно ощущал свой переход в старшую, увы, возрастную категорию. Это стало заметным, когда на кинематографическом небосклоне начало с успехом выступать это самое поколение, которому сегодня тридцать и чуть меньше. Они уже, в отличие от старших своих коллег, творили свободно. Для них преодоление цензуры перестало быть заботой. А люди возраста Габриловича (впрочем, и Михалков тоже!) воспринимались ими как собрание старцев, продолжающих почемучу-то коптить небо.

Мне кажется, в споре с этими молодыми и заносчивыми родился у режиссера замысел сделать документальные ленты о своем поколении. О детстве и юности, которые прошли, казалось бы, в самый пик послевоенного безвременья. О привязанностях, что, к счастью, могли обходиться без политического привкуса, о цирке, футболе, кино. Габрилович нашел способ преодолеть диктат холодной и лживой хроники тех лет. Он

Анри ВАРТАНОВ,

критик

решил прошлое не столько показывать в картинках, сколько рассказывать в словах. И в рассказчики выбрал себя и своих сверстников, друзей, таких же, как он, послевоенных московских мальчишек. Причем тех, кто нынче достаточно известен, а то и вовсе знаменит. Тут, мне кажется, была еще и полемическая мысль: посмотрите-ка, какие люди выросли в нашей «яме»!

И, наконец, последний замысел, который он не успел завершить при жизни, – «Бродвей нашей юности». Снова воспоминания друзей, но на сей раз о гораздо более сложном периоде нашей истории. О тех годах, когда идеи XX съезда встречали сопротивление ярких сталинистов, когда свобода, пришедшая к нам в облике Всемирного фестиваля молодежи 1957-го, столкнулась с идеологической реставрацией и тотальным господством органов в начале 60-х.

Я был одним из персонажей будущей ленты. Когда Габрилович снимал у меня дома, я понял, что он намерен не столько возлелечивать или хотя бы оправдывать нашу юность, сколько беспоощдно судить – а, может быть, и казнить – ее. Он хотел понять корни нашего конформизма, природу живущих в ту пору страхов – не перед крокодилом, понятно, – которые до сих пор не отпускают...

И вот нет с нами Леши Габриловича, стало уходить и совсем еще нестарое, послевоенное поколение. Уходить, не успев сказать всего, что хотело.

ВО МНЕ